

Чжоу Юй, глядя на его жалкий вид, невольно вздохнул: «Ладно, А-Минь, давай я. Если ты неловок, А-Яню будет только больнее. Уж я-то опытнее, смогу обойтись помягче».

Услышав это, Ло Минь не стал больше упрямиться.

Чжоу Юй привычными движениями наполнил ванну, высыпал соль, приготовил чистое полотенце и простыню и лишь затем развернул верблюжье одеяло, в которое был закутан Лин Цзыхань, и принял его из рук Ло Миня.

Тут-то Ло Минь и увидел, что одеяло всё в багровых пятнах, и невольно содрогнулся.

Всё тело Лин Цзыхана было в синяках, а на ягодицах и внутренней стороне бёдер запёклась кровь, отчего кожа казалась мертвенно-бледной — душераздирающее зрелище.

Опуская юношу в воду, Чжоу Юй отчётливо почувствовал, как тот дрожит, и тут же мягко проговорил: «Не бойся, не бойся, всё хорошо. Потерпи немного, скоро всё кончится».

Лин Цзыхань почувствовал, как в воде пальцы Чжоу Юя проникли в его тело, и всё его существо свело оцепенение.

Чжоу Юй не посмел двигаться дальше и тихо успокоил: «А-Янь, расслабься. Я просто хочу тебя очистить».

Лишь тогда Лин Цзыхань постепенно отпустил напряжение, но глаза так и не открыл.

Чжоу Юй хорошо понимал чувства юноши, впервые столкнувшегося с насилием, и действовал крайне бережно: аккуратно помыл его, мягким полотенцем обтёр тело и лишь затем поднял на руки.

Ло Минь тут же развернул большую простыню и укутал его с ног до головы.

Чжоу Юй спустил воду, успевшую порозоветь от крови, и, не прибирая захламлённую ванную, последовал в спальню.

Доктор Чэнь, увидев, что всё тело ребёнка в повреждениях, в целом понял ситуацию и мягко произнёс: «Синяки не страшны, это ушибы мягких тканей. Отдохнёт несколько дней — пройдут».

Ло Минь перевернул Лин Цзыхана, чтобы показать врачу рану между ягодиц.

Доктор Чэнь в прошлом был перспективным молодым хирургом известной больницы, но однажды главный врач допустил ошибку во время сложной операции, а его, ассистента, сделали козлом отпущения. В итоге он лишился лицензии и вынужден был работать подпольным врачом. Прослужив Чжоу Юю и его людям два года, он благодаря протекции Чжоу Юя не только вернул себе право практиковать, но и получил средства на открытие собственной клиники. Для такого специалиста, как он, подобные травмы были сущими пустяками. Внимательно осмотрев, он сказал Ло Миню: «Повезло, стенки кишечника не задеты. Но рану нужно ежедневно перевязывать, следить, чтобы не загноилась. Где-то дней через десять заживёт».

Лишь тогда Ло Минь почувствовал облегчение и молча кивнул.

Доктор Чэнь обработал Лин Цзыханю рану, сделал укол сильного противовоспалительного

шприц-пистолетом и собрался уходить.

Ребёнок явно стал жертвой насилия, но кто посмел на такое — оставалось загадкой. Особенно смущало то, что Чжоу Юй и Ло Минь, оба грозные парни, не проявляли ярости, а вели себя спокойно. Однако доктор благоразумно не задавал вопросов, лишь на прощание посоветовал: «Обычно после таких происшествий остаётся психологическая травма. Когда поправится, сводите его к психологу, пусть специалист поможет».

Чжоу Юй улыбнулся и кивнул: «Хорошо, спасибо, доктор Чэнь».

Проводив врача, Ло Минь направился напрямиком в комнату Лин Цзыхана, но Чжоу Юй догнал его: «А-Минь, ты уже сутки ничего не ел, организм не выдержит. Давай сначала поедим. С А-Янем всё ясно, рану обработали, пусть отдыхает. Ничего страшного».

Ло Минь расслабился и лишь тогда ощутил, как изголодался. Он открыл холодильник, наскоро вытащил несколько яиц и принялся жарить их на сковороде.

Чжоу Юй стоял в дверях кухни, прислонившись к косяку, и наблюдал.

Ло Минь снял пиджак, остался в светло-коричневой рубашке и чёрных брюках, и стройный силуэт — от плеч через талию к бёдрам и прямым ногам — радовал глаз. Он рассеянно помешивал яйца, и в его обычно твёрдой, мужественной манере вдруг проступила уязвимость, отчего сердце Чжоу Юя ёкнуло.

Тот вдруг подошёл сзади и обхватил его за талию.

Ло Минь вздрогнул и тут же рывкнул: «Отпусти».

Чжоу Юй потянулся, выключил конфорку, рванул Ло Миня на себя и, развернув, прижал к стене.

Это была его излюбленная игра: зажать Ло Миня между собой и стеной и яростно нападать.

На сей раз Ло Минь не поддался и тут же ударил назад локтем. Чжоу Юй, проворный, обхватил его руки, но расстегнуть одежду не получалось. Так они и замерли в немом противостоянии.

Прошло много времени, Ло Минь постепенно выдохся, Чжоу Юй тоже тяжело дышал от натуги.

За окном занимался рассвет, и алое зарево озаряло их, оттеняя красивые черты лиц, делая их ещё притягательнее.

Собрав последние силы, Чжоу Юй подхватил Ло Миня на руки, вынес из кухни, уложил на кровать в спальне, прижался к нему и принялся нежно целовать.

Гнев Ло Миня улёгся, а голод и усталость вовсе отбили желание сопротивляться; в душе у него была пустота.

Чжоу Юй целовал его некоторое время, но, не встречая ответа, и сам потерял пыл, остановился. Тихо сказал: «А-Минь, в этом деле я больше ничего не могу сделать. Ты должен понимать».

Ло Минь горько усмехнулся: «Юй-гэ, я... тоже понимаю, ты сделал всё, что мог. Просто А-Янь... Он теперь такой. Как мне с этим смириться?»

Чжоу Юй с пониманием обнял его, ласково промолвив: «Я тебя понимаю. Впредь будем заботиться о нём вдвойне, обеспечим беззаботную жизнь. Со временем этот случай забудется».

Ло Минь был в полной растерянности, не зная, как теперь к этому относиться. Вспомнив о Лин Цзыхане, он вдруг сообразил, что тот тоже ничего не ел с прошлой ночи, и сказал Чжоу Юю: «Отпусти, я пойду проверю А-Яня».

Чжоу Юю стало неприятно, он прижал Ло Миня крепче и недовольно пробурчал: «Наверняка уже спит, к чему беспокоить? После такого вряд ли захочется, чтобы кто-то торчал перед глазами. Пусть отдохнет в тишине».

Ло Минь, в отличие от прежних разов, не обнимал его в ответ, лишь покорно лежал под ним, и лицо его было холодным. Он безучастно смотрел в потолок и тихо сказал: «Он же не ел».

Тут Чжоу Юй спохватился и поспешно поднялся: «Ты, наверное, уже изголодался? Давай, быстро, за стол».

Ло Минь вздохнул. Когда Чжоу Юй гнался за ним от Сило до Наньгана, он понял: что бы там ни было с любовью, по крайней мере для Чжоу Юя он значил куда больше, чем Лин Цзыхань. Однако в его собственной душе чувство вины перед Лин Цзыханем и любовь к Чжоу Юю сталкивались, терзая его, и от этого он совершенно выбился из сил.

Он отогнал мысли, механически поднялся, прошёл на кухню, снова зажёл огонь под яичницей, достал из холодильника подогретое молоко и отнёс в гостевую.

Лин Цзыхань лежал на кровати в глубоком сне.

Казалось, за одну ночь юноша сильно исхудал. Он лежал на спине, плотно укрытый лёгким тёплым одеялом, но под ним почти не угадывалось тело. Наружу высывалось бледное, исхудавшее лицо с заострившимся подбородком; чёрные мягкие волосы, всё ещё влажные, беспомощно раскинулись на подушке, и в этот момент он походил на фарфоровую куклу, готовую разбиться от одного прикосновения.

Ло Минь застыл у кровати и долго, не двигаясь, смотрел на него.

Чжоу Юй, встревоженный, взял у него поднос, мягко вывел из комнаты и прикрыл дверь.

Ло Минь позволил отвести себя к столу и усадить, наблюдал, как тот ставит перед ним молоко и яичницу, и машинально проговорил: «Ты тоже ешь».

Чжоу Юй обрадовался и взглянул на него.

Тут Ло Минь опомнился и слегка смутился. Он привык завтракать вместе с Чжоу Юем, и слова сорвались сами собой.

Чжоу Юй тихо вздохнул и сказал ему: «Ешь скорее, я тоже поем».

Так они и сидели за столом, молча доедая свой скромный завтрак, а атмосфера была небывало холодной.

Закончив, Ло Минь по привычке потянулся убрать его чашку и тарелку. Чжоу Юй схватил его за запястье. Ло Минь тут же попытался вырваться.

<http://bllate.org/book/16287/1467749>